

О СТАТУСЕ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ В СИСТЕМЕ ПОСТОРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВ

А.В. Беляков

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
belafeb@yandex.ru*

Цель исследования: установить статус Ногайской Орды по сравнению с татарскими ханствами, возникшими после распада Золотой Орды.

Материалы исследования: русско-ногайские посольские книги и документы о знатных выходцах с Востока, проживавших в России XVI–XVII вв.

Результаты и научная новизна исследования: Ногайская Орда до последней трети XVI в. сохраняла институт номинальных ханов, избиравшихся из многочисленных потомков Чингиз-хана. Они провозглашали мангытского бия беклербеком и выдавали ему жалованную грамоту за золотой печатью. Только так можно было в глазах соседей и в первую очередь самих ногаев легитимизировать власть в Орде. Тем самым Ногайская Орда не смогла изжить представления о своем подчиненном положении по отношению к государствам, управляемым Чингидами. Однако с середины XVI в. традиционное место татарских царей и царевичей начинает занимать русский царь.

Ключевые слова: Московское государство XVI в., Ногайская Орда, Ондан б. Шигай, жалованная грамота

Для цитирования: Беляков А.В. О статусе Ногайской Орды в системе постордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 371–379. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.371-379 EDN: KJXSKM

ON THE STATUS OF THE NOGAI HORDE IN THE SYSTEM OF POST-HORDE STATES

A.V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
belafeb@yandex.ru*

Abstract: Research objectives: To establish the degree of equivalence for the status of the Nogai Horde in comparison with the Tatar khanates that arose after the collapse of the Golden Horde.

Research materials: Russian-Nogai embassy books and documents about those living in Russia in the 16th–17th centuries, writings pertaining to noble people from the East.

© Беляков А.В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Results and scientific novelty of the study: The Nogai Horde, until the last third of the 16th century, retained the institution of nominal khans chosen from the numerous descendants of Chingis Khan. These latter figures were needed to proclaim the next biy as a beklerbek and issue a charter with a golden seal. That was the only way to legitimize power in the Horde in the eyes of the neighbors and, most crucially, the Nogai themselves. Thus, the Nogai Horde could not get rid of the idea of its subordinate position in relation to the states ruled by the Chingisids. However, from the middle of the 16th century, the traditional place of the Tatar tsars and princes begins to be occupied by the Russian tsar.

Keywords: Muscovy in the 16th century, Nogai Horde, Ondan b. Shigai, letter of honor

For citation: Belyakov A.V. On the status of the Nogai Horde in the system of post-Horde states. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 371–379. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.371-379 (In Russian)

Все возрастающие кризисные явления в Золотой Орде XV в. в конечном итоге привели к тому, что некогда единое государство распалось на несколько независимых образований. Всех их объединял единый признак – во главе этих ханств и орд в обязательном порядке должен был стоять Чингизид. Тем самым они унаследовали главный государствообразующий фактор империи Чингиз-хана. Хотя на практике в отдельных случаях это требование достигалось путем провозглашения того или иного Чингизида номинальным ханом, который назначал местного лидера беклербеком. Последний и осуществлял управление государством, а хан оставался в его тени. Именно так строилась модель управления в Ногайской Орде, где власть передавалась исключительно потомкам золотоордынского беклербека Идегея (Эдиге). Считается, что со временем мангыты (ногайский государствообразующий эль, из которого происходил Эдиге) отказались от этого правила и передавали власть в Орде без посредничества Чингизидов [12, с. 470]. Однако отдельные сохранившиеся свидетельства позволяют утверждать, что ногайские ханы просуществовали до последней трети XVI в., после чего их функции стали переходить московским царям. Этот процесс занял несколько десятилетий и к началу XVII в. был вполне завершен.

В одном из документов первой половины XVII в. падчерица касимовского царя Арслана б. Али, и сестра казахского царевича Ураз Мухаммеда б. Ондана Ай-ханыш называется дочерью Ондана б. Шигая. При этом Ондан именуется ногайским царем [5, с. 103–104]¹. Отметим, что термин «ногайский царь» в русских документах XVII в. был крайне расплывчатым понятием. В описи патриаршей домово́й казны 1678 г. читаем: «перстень Алексея митрополита арабской меди, подарок нагайсаго царя Джанбека» [8, с. 626]. Речь здесь, на самом деле, безусловно, идет о золотоордынском хане Джанибеке б. Узбеке (правил в 1342–1357 гг.). В нашем случае ситуация еще запутаннее. Дело в том, что Ондан являлся казахским царевичем-Чингизидом. Русские источники подчас смешивали этнонимы/политнонимы «казах» и «ногай». Этому было несколько причин. Информация о далеких казахских степях попадала в Москву, как правило, через ногаев. К тому же родоплеменной состав этих народов был близок. Документы неоднократно приводят случаи, когда в результате военной победы то одни, то другие отгоняли к себе значительное население противника. Но Ондан называется

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 134. Оп. 1. 1630 г. Д. 1, Л. 7, 31, 53; Ф. 131. Оп. 1. 1650 г. Д. 6. Л. 1; Ф. 141. Оп. 1. 1624 г. Д. 1.

ся царем, а не царевичем. И, похоже, не случайно. Следует указать на тот факт, что в России более чем серьезно относились к титулу «царь» и не использовали его понапрасну. Как пример можно привести регулярные упоминания с царским титулом Али – сына сибирского хана Кучума. Это является главным доказательством того, что после смерти отца его старший сын был признан очередным сибирским ханом, как своими ближайшими родственниками, так и за пределами Сибири. После пленения Али и его вывоза в Европейскую Россию, это особенно было выгодно Москве, так как при живом, пусть и находящемся в неволе сибирском царе, любой другой претендент на этот титул рассматривался как самозванец. Но это отдельная история, выходящая за рамки данного исследования.

О жизни Ондана известно крайне мало. Все наши знания опираются на сообщение Кадыр Али-бека и впервые были собраны воедино В.В. Вельяминовым-Зерновым. Казахский царевич Ондан (ок. 1555–1585 гг.) имел следующую генеалогию: Ондан б. Шигай б. Ядик б. Джанбек б. Барак б. Куйручук б. Урус. Его матерью была Баим-бикем. Царевич отличался воинственным нравом, имел много жен и наложниц, взятых у соседних народов и из среды своих сородичей. В 30 лет он погиб от рук калмыков и похоронен в Туркестане [7, с. 337-338, 362-365]. Самый известный его сын, будущий касимовский царь и убийца Лжедмитрия II – Ураз Мухаммед родился от Алтын-ханым, дочери казахского султана Булат-султана б. Усяк-хана, приблизительно в 1572 г. [4, с. 20].

Мог ли Ондан быть ногайским царем? Подобное возможно в том случае, если во второй половине XVI в. в Ногайской Орде сохранялась практика легитимизации власти, подразумевавшая провозглашение при бие того или иного Чингизида номинальным ханом (царем), который тут же назначал своего благодетеля беклербекком. В этом нет ничего необычного. В 30-е гг. XVI в. казахский царевич Хакк-Назар б. Касим уже становился номинальным ногайским ханом [12, с. 221, 247, 312]. До этого он воспитывался при дворе ногайского бия Шейх-Мамая б. Мусы. Период «ханства» Ондана определить довольно проблематично. Отметим, что в это время взаимоотношения между Большой Ногайской Ордой и Казахским ханством постепенно портились. Следует подчеркнуть дату рождения царевича – ок. 1555 г. Так, что данный эпизод в истории казахского царевича, скорее всего, приходился не ранее чем на рубеж 1560–1570-х гг. Это свидетельство заставляет по-иному взглянуть на положение Ондана и его сына Ураз Мухаммеда на просторах Дешт-и Кыпчака. Следует отметить, что Кадыр Али-бек представил нам в своем сочинении значительно отретушированный образ как Ондана, так и Ураз Мухаммеда. Других же свидетельств об этом периоде их жизни мы не имеем.

Данный эпизод становится более понятным, если принять во внимание тот факт, что в Ногайской Орде фиксируется высокий пиетет перед некими золотыми печатями. Ивана IV начиная с середины 1550-х гг. постоянно просили прислать их к ним. В русско-ногайских посольских книгах встречается ряд упоминаний об этом. В июле 1556 г. в Москве было получено послание бия Большой Ногайской Орды Исмаила б. Мусы к Ивану IV, заканчивающееся фразой: «Княжое слово, чтоб печать золоту прислал» [10, с. 208]². Для нас важен тот факт, что Исмаил только недавно стал бием. Просьба повторяется и в другом послании, датированном июлем 1557 г.: «Да пропала у меня печать, и ты б прислал мне печать з золотом» [10, с. 251]³. В 1577 г. ногайский мирза Сеид-Ахмед просил русского царя: «Да чтоб еси мне на выимок велел грамоту дати з золотою печатью»⁴.

² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 362 об.

³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 30 об.

⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 66.

В 1578 г. мирза Ураз Мухаммед б. Дин-Ахмед писал: «Отец мой, князь (Дин-Ахмед б. Исмаил – А.Б.), выпросил у тебя печат, и яз печалуюс, чтоб еси печат золоту пожаловал»⁵.

Что это были за печати? Формулировка «грамоту дати з золотой печатью» не дает сомнений, что речь идет о вислой золотой или серебряной вызолоченной печати. Другие сообщения менее однозначны, их можно интерпретировать, как просьбу изготовить и прислать печат для заверения бийских и мирзинских грамот. Такие сообщения также встречаются в грамотах. Так в октябре 1550 г. бий Юсуф просил: «Да у брата своего, белово царя, прошу перстня золотово»⁶. В апреле 1558 г. требование бия Исмаила было более конкретно: «Да прислал бы еси чернилницу золочену и с чернилы. Да прислал бы еси печат золоту, а вырезано б на нем мое имя»⁷. Через 20 лет подобными печатями, но серебряными золоченными хотели обзавестись и мирзы. В марте 1578 г. мирза Ханбай б. Исмаил просил: «А станет у тебя твой малла писат, и нам бы к тебе прислати печат золоченую, чем грамоты тебе печатат»⁸.

Вначале разберемся с требованием прислать золотые матрицы-печати или же перстни-печатки. С одной стороны это могла быть простая констатация отсутствия в Ногайской Орде специалистов, способных изготовить подобные предметы. Однако за ними значительно проще было обратиться к ювелирам Средней Азии, тем более что они явно изготавливали подобные предметы в большом количестве. К тому же если обратиться к документам XVII в., то становится понятно, что золотые перстни с именем владельца рассматривались как пожалование от старшего к младшему, возможно, как своеобразная инвестиция. Так в «Приходной книге золотых и расходе золота на устройство и починку разных вещей» под 27 марта 1676 г. имеется запись об указе царя Федора Алексеевича в Серебряную палату «сделать князь Каспулату Муцаловичу Черкасскому перстень золотой, а на печати вырезать: печат кн. Каспулата Муцаловича Черкасского. О деле того перстня государев указ сказал боярин и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово... И на тот перстень мастеру Данилу Козмину золота 6 золотников с четью» [8, с. 517]. Жалованную грамоту на княжение князь получил после смерти его отца от имени Алексея Михайловича еще в 1661 г. Таким образом, изготавливаемый перстень должен был стать подтверждением прежних прав со стороны нового московского царя.

Теперь поговорим о просьбе привесить золотые печати к грамотам, посылаемым к ногайским биям и мирзам. В титулярнике 1577 г. имеется описание оформления посланий в Ногайскую Орду: «А печат у Тенихматовы грамоты от государя государская рядовая печат на красном воску без кустодей»⁹; «А к Урису мурзе и ко всем нагайским мурзам в началех грамоты писаны по тому ж в кратце, без государевых титулов. А печати у грамот рядовые, на чорном воску, без кустодей»¹⁰. Мы видим, что золотая печат явно выпадает из описываемой практики. Чем могло

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 250.

⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 3. Л. 127 об.

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 79 об.

⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. Л. 142 об.

⁹ В данном случае имеется в виду бумажная кустодия, предохранявшая печат от возможного частичного разрушения во время транспортировки. Металлические (серебряные) кустодии для вислых печатей появятся в дипломатической практике несколько позднее. Они по своему статусу будут приравниваться к активно использовавшимся в XVI в. золотым вислым печатям.

¹⁰ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 15. Л. 92 об. 93 об.

быть вызвано такое нарушение устоявшейся практики оформления дипломатических посланий? Ведь до этого золотые печати в Москве привешивались исключительно к крестоцеловальным грамотам в Крым, посылавшимся в ответ на шертные грамоты, скрепленными золотыми вислыми печатями, а также к окончательным грамотам с европейскими христианскими государями. При Иване IV это были короли Швеции и Дании. В более ранний период хрисовулы посылались в Ливонию, Литву, Империю и Венгрию. Также следует подчеркнуть, что ногайская традиция золотых печатей была явно односторонней. В Москве аналогично оформленных грамот из Ногайской Орды не получали. Разгадка, судя по всему, кроется в так называемых жалованных грамотах за золотой печатью.

Рассматривая сибирские и башкирские сюжеты, В.В. Трепавлов отметил, что в этих регионах вплоть до XVI в. сохранялась устойчивая традиция, по которой владеть землей можно было только при условии ее пожалования от вышестоящего монарха. Первоначально таковым выступали казанские ханы. После завоевания Казани это право перешло к московским царям [13, с. 182-185]. Дальнейшие исследования показали, что подобные представления в той или иной степени распространялись на все территории, некогда входившие в состав Золотой Орды. По крайней мере, Москва выдавала их народам Среднего Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, Сибири и Югры [2]. Со временем география бытования подобным образом оформленных документов возможно расширится. Пока же можно говорить о том, что их, по-видимому, регулярно получали и в Ногайской Орде.

Собственно жалованные грамоты ногаям неизвестны, в русско-ногайских посольских книгах информация о них отсутствует. Изначально ногайские бии, похоже, получали подобные документы от астраханских (большеордынских) ханов. Косвенно это доказывает постоянное стремление ногаев в первой половине XVI в. захватить Астрахань и посадить там своего ставленника, после чего они возвращались в степи и не пытались как-либо контролировать город. С момента завоевания Россией Астрахани эта функция перешла к московскому царю. Остается открытым вопрос о том, к каким документам в данном случае привешивались печати – к жалованным грамотам или же к обычным царским посланиям. По-видимому, перед нами очередной пример постепенной деградации ногайской государственности и статуса жалованных грамот. Жалованная грамота за золотой печатью стала эволюционировать в документ, скрепленный золотой печатью. При этом собственно текст грамоты не имел никакого значения. Данная ситуация сильно напоминает ту, что фиксируется в Югре в первой половине XVI в. [9, с. 6]. А попытки получения золотой печати любым другим лицом кроме бия, следует рассматривать в ряду постоянных требований от все возрастающего числа мирз, чтобы к ним присылали царские грамоты не со служилыми татарами, а с детьми боярскими. Важен еще один момент. Упоминание грамот с золотой печатью заставляет по-иному взглянуть на непростые ногайско-казанские и ногайско-астраханские взаимоотношения. Возможно, многие эпизоды этих контактов следует рассматривать как попытку получения от хана очередной грамоты за золотой печатью, как в истории с захватами Астрахани кабардинцами [3, с. 35-43]. Да и номинальные ханы, похоже, не только жаловали мангытских биев титулом беклербека, но и давали им соответствующим образом оформленные документы, содержавшие золотые печати. Отметим, что в рассматриваемых нами эпизодах нет указаний на то, что из Москвы в Ногайскую Орду посылались золотые печати. Но полностью отвергать такую возможность также не следует.

Ситуация с жалованными грамотами за золотой печатью, похоже, имела в Ногайской Орде древнюю историю. По нашей версии, подобный документ мог появиться в результате слияния изначально двух отдельных и в то же время органично связанных между собою предметов – ханского ярлыка и пайцзы. Их получал каждый чиновник, посылавшийся в статусе имперского наместника управлять той или иной значительной территорией [1, с. 60-64]. В какой-то момент, возможно для удобства во время перевозки, они были соединены. Именно такие документы, подтверждающие их право на власть, возможно, получали в Орде и русские князья. Золотые вислые печати фиксируются на просторах Дешти и Кыпчака в последней четверти XV в. «Правильные» ханские пайцзы исчезают где-то в последней трети XIV в. Между этими двумя точками и следует искать момент появления жалованных грамот за золотой печатью. Безусловно, Эдиге, как беклербек и человек, управлявший мангытскими кочевьями, получил в свое время подобное подтверждение своей власти. Эдиге погиб в 1419 г., поэтому гипотетически он мог уже иметь ханскую грамоту с вислой печатью. Его потомки, на протяжении нескольких поколений являвшиеся беклербеками в Золотой (Большой) Орде, Узбекском и Астраханском ханствах [12, с. 871], также должны были получить подобные документы. Неоднократно они, по-видимому, выдавались и Мусе б. Ваккасу, считавшемуся первым независимым правителем ногайского государства. При его детях и внуках, правивших на протяжении большей части XVI в. память о получении подобных, похоже, была еще свежа. В.В. Трепавлов отмечает, что во второй четверти XVI в. в борьбе за Астрахань, как наследницы Большой Орды столкнулись Крым, Ногайская Орда и княжества Северного Кавказа [12, с. 282-287]. Мы ранее высказывали предположения о том, что северокавказским княжествам (Кабарда, Тюмень) контроль над Астраханью был нужен для получения жалованных грамот от правителя, правящего «старшим» осколком некогда всесильного государства, и в то же время созерена, у которого не будет сил для вмешательства в их внутренние дела [3, с. 35-43]. Похоже, у ногаев были схожие интересы, и царя Дервиш-Али б. Шейх-Хайдара рассматривали как одного из возможных номинальных ханов. Хотя в 1549 г. в Москву из Ногайской Орды сообщили: «Темирь Кутлуева царева сына царем себе учинили есмя. Один царем учинился, а другой князей» [12, с. 302]. Тот факт, что в послании не указано имя царя наталкивает на мысль, что в Москве и без того его знали. Им, похоже, был недавно вернувшийся в степи Дервиш-Али. В подтверждении этого можно привести тот факт, что в 1551 г. имя нового хана, хотя и с минимальными подробностями сообщили: «Царь у нас Янай, чтоб еси для нас его призирал» [10, с. 45]. Возможно, Чингизид где-либо реально занимавший престол считался у ногаев более предпочтительным кандидатом на пост ногайского царя. Однако подобные построения ни в коей мере нельзя абсолютизировать. А получение жалованной грамоты было желательным, особенно при провозглашении нового бия. Но, все же получение грамоты можно было на время отложить, если обстоятельства выдвигали на авансцену более важные вопросы.

Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар и Ондан б. Шигай выступали номинальными ханами, которые могли предоставить ногаям все необходимое для того, чтобы в ногайских улусах ощущали законность власти нового бия. Хотя на самом деле это скорее свидетельствовало о слабости власти, которой требовались дополнительные обоснования для признания ее легитимности. Каждая последующая смута в Ногайской Орде только усиливала эту неуверенность. А московский царь все больше воспринимался, как вполне законный сюзерен, который может вмешиваться в их внутренние дела. Наиболее ярким проявлением этого стала разрабо-

танная в Москве процедура поднятия в Астрахани на белой кошке нового ногайского бия в 1600 г. К этому моменту в Большой Ногайской Орде закончилась очередная Смута. Победители, дети Ураз Мухаммеда и Дин Мухаммеда направили Борису Годунову прошение о пожаловании Иштерека б. Дин-Ахмеда рангом бия, а его брата Кучука – нурадином. В 1600 г. в Астрахани состоялась церемония возведения на «княжение». Приехавший из столицы боярин зачитал собравшимся мирзам государеву волю и предложил нового бия «поднять на епанче», т.е. совершить акт самого настоящего воцарения. Подобный обряд практиковался при провозглашении монарха в тюркских ханствах. У ногаев, возглавляемых биями (ханом мог стать только Чингизид), он никогда не применялся. Мирзы задумались: «А того де они не ведали, что ево, Иштерек мурзу, на княженье поднять на епанче... И из давных де лет николи того не бывало». Однако, посовещавшись целый день, решились, и Иштерек был поднят на белом войлоке, а Кучук объявлен нурадином [12, с. 491-492]. Этот обычай прижился среди ногаев [7, с. 409; 11, № 144. с. 465-467]. В Москве должно быть неплохо разбирались в церемониале Ногайской Орды. Дело в том, что в 1586/87 г. мирза Сеид-Ахмед б. Мухаммед просил царя Федора Ивановича пожаловать его нурадином. Просьба была выполнена. Уже в марте 1587 г. он именовался этим титулом. Но для процедуры провозглашения русским посланникам было велено навести справки о бытовавших в Ногайской Орде обычаях¹¹. Схожий обряд провозглашения хана в XVIII в. фиксируется в Казахских ордах [6, с. 31-37].

Следует обратить внимание еще на один немаловажный факт, на какие периоды приходится известия о возможных номинальных ханах и просьбах о золотых печатях. Они отмечены в 1550-1557 и 1577-1578 гг. Если принять во внимание дату рождения царевича Ондана (ок. 1555 г.), то ногайским ханом (царем) он мог стать в правление бия Дин-Ахмеда б. Исмаила (1564-1578 гг.) или бия Уруса б. Исмаила (1578-1590 гг.), но ни в коем случае ни в последние годы жизни Тин-Ахмеда, когда бий, по-видимому, смог заполучить себе золотую печать из Москвы. Укажем и на тот факт, что в этот период отношения Ногайской Орды и Казахского ханства находились в крайне тяжелом положении. Нельзя исключать пленение царевича в результате одного из столкновений. В таком случае история с его воцарением вполне могла быть платой за свободу. Если Ондан в действительности был провозглашен ногайским царем, то это не значит, что он постоянно должен был проживать в Ногайской Орде. Кадыр Али-бек в своем сочинении говорит о многочисленных войнах, в которых участвовал Чингизид.

Тем самым, приведенные нами факты показывают, что Ногайская Орда на протяжении всего периода существования своей государственности, так и не изжила представления о своем подчиненном положении по отношению к государствам, управляемыми Чингизидами. Русские цари благодаря завоеванию Казанского и Астраханского ханств также воспринимались как «Чингисовы прямые дети»¹². Это наблюдение заставляет сделать некоторую корректировку в освещении целого ряда событий, проходивших на просторах Дешт-и Кыпчака в XV–XVI вв. Также и требования к русской стороне о присылке печатей и грамот, скрепленных золотой печатью, следует рассматривать как униженную просьбу к заведомо вышестоящей стороне (по крайней мере в мире политических ценностей ногайских мирз), завуалированные нарочито грубой формой обращения, или же небрежно помещенные среди иных постоянно выпрашиваемых подарков. Следует отметить, что мы крайне мало знаем об устных русско-ногайских пере-

¹¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 2. Л. 23–30, 31–36 об; Д. 1. Л. 9.

¹² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 90 об.

говорах, которые велись в Москве. Возможно, на них особо обговаривались эти сюжеты, но в посольских книгах они не фиксировались. Поэтому все сообщения о золотых печатях, посылаемых в Ногайскую Орду, крайне случайны. Известия о номинальных ханах еще более редки и часто завуалированы. А по второй половине XVI в. такие сведения в русско-ногайских посольских книгах полностью отсутствуют. Поэтому оговорки о статусе Ондана б. Шигая представляются крайне интересными и ценными. Они позволяют предположить, что практика номинальных ханов сохранялась или же о ней вспоминали время от времени на протяжении всего XVI в.

Повторимся, прямых доказательств, сделанных нами предположений нет. Также кажется странным, что хан Ондан не заключал брачных союзов с ногайскими мирзами. По крайней мере, у нас отсутствуют сведения об этом. При скудности источников по затронутой теме обнаружение новых архивных свидетельств остается реальным, но довольно сомнительным. Приходится искать новый исследовательский инструментарий для работы с уже известными документами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. 252 с.
2. Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 184–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211
3. Беляков А.В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб.: Нестор-История, 2022. 408 с.
4. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. 208 с.
5. Беляков А.В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 95–112.
6. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII– первая половина XIX века. М.: РОССПЭН, 2014. 471 с.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. Ч. 2. 520 с.
8. Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613-1727 г. М.: Типография М.П. Щепкина, 1883. Вып. 2. С. 337–660.
9. Под стягом России: сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. 431 с.
10. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1661 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
11. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Топография Селивановского, 1822. Т. III. 556 с.
12. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.
13. Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.

Сведения об авторе: Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@yandex.ru

Поступила 29.03.2023 Принята к публикации 26.05.2023
Опубликована 29.06.2023

REFERENCES

1. Abzalov L.F. *Khan's scribes. From the history of the formation and development of the clerical service of the khans of the Golden Horde*. Kazan: YAZ, 2011. 252 p. (In Russian)
2. Belyakov A.V. Diplomas with the Golden Bulla, History and Area of Distribution: The Horde's Continuity in the Matter of Investiture. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 184–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211 (In Russian)
3. Belyakov A.V. *Simeon Bekbulatovich: an example of the adaptation of immigrants from the East in Russia in the 16th century*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 408 p. (In Russian)
4. Belyakov A.V. *Uraz-Muhammad ibn Ondan and Isinei Karamyshev son of the Musaites. Experience of joint biography*. Almaty: AO «ABDI KompanI», 2019. 208 p. (In Russian)
5. Belyakov A.V. Tsarevich Avgan-Muhammed ibn Arab-Muhammed in Russia in the first half of the 17th century *Tyurkologicheskii sbornik: 2006* [Turkological collection: 2006]. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2007, pp. 95–112. (In Russian)
6. Vasilev D.V. *Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. 18–first half of the 19th century*. Moscow: ROSSPEN, 2014. 471 p. (In Russian)
7. Velyaminov-Zernov V.V. *A study on the Kasimov tsars and princes*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1864, vol. 2. 520 p. (In Russian)
8. Viktorov A. Description of notebooks and papers of ancient palace orders of 1613–1727. Moscow: Tipografiya M.P. Shchepkina, 1883, vol. 2, pp. 337–660. (In Russian)
9. *Under the banner of Russia: a collection of archival documents*. Moscow: Russkaya kniga, 1992. 431 p. (In Russian)
10. *Ambassadorial books on Russia's relations with the Nogai Horde. 1551–1661*. Kazan: Tatar Book Publishers, 2006. 391 p. (In Russian)
11. *Collection of State Letters and Treaties*. Moscow: Topografiya Selivanovskogo, 1822, vol. III. 556 p. (In Russian)
12. Trepavlov V.V. *History of the Nogai Horde*. Moscow: Kvadriga, 2020. 1040 p. (In Russian)
13. Trepavlov V.V. Symbols and rituals in the ethnic policy of Russia in the 16th–19th centuries. St. Petersburg: Olega Abyshko Publishers, 2018. 320 p. (In Russian)

About the author: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail: belafeb@yandex.ru

Received March 29, 2023 Accepted for publication May 26, 2023
Published June 29, 2023